

Т. В. Мальцева

Стратегия топонимической номинации чужого пространства в восточном посольском дискурсе

В статье представлен анализ номинаций ландшафтных объектов чужого пространства в путевых документах российского императорского посольства в Персию 1816–1817 годов под руководством генерала А. П. Ермолова. Материал статьи – путевые тревелогии сотрудников посольства А. Е. Соколова («Дневные записки о путешествии русского императорского посольства в Персии в 1816 и 1817 годах, веденные советником этого посольства А. Е. Соколовым») и В. П. Бороздны («Краткое описание путешествия российско-императорского посольства в Персию в 1817 году»). Эти документы восточного посольского дискурса рассматриваются как часть такого тематического единства, как восточный текст русской литературы. Важнейшей константой посольского текста является фиксация иноязычных топонимических номинаций чужого пространства. Для описания географических номинаций применены средства топонимического анализа. Топоним рассматривается в статье как языковой знак для обозначения вида ландшафтного (природного или рукотворного) объекта и как элемент поэтики произведений, характеризующий текстовый топос/локус. Анализ номинаций ландшафтных объектов чужого пространства в путевых документах показал, что выбор способа фиксации топонимических номинаций и их сопровождения является стратегией автора, демонстрируя его функциональную роль в служебном посольском тексте с помощью «я»-повествования и включения личных комментариев к названиям географических объектов.

Ключевые слова: документальная проза, восточный текст, посольский дискурс, топонимическая номинация, топос, авторская стратегия.

Для цитирования: Мальцева Т. В. Стратегия топонимической номинации чужого пространства в восточном посольском дискурсе // Art Logos (искусство слова). – 2023. – № 3. – С. 79–95. DOI: 10.35231/ 25419803_2023_3_79. EDN: KPJBDE

Дипломатические связи России с ближневосточными соседями – Персией и Османской империей – имеют длительную историю¹ [9; 8; 18]. Так, исследователь К. А. Жуков отмечает, что «обмен посольствами и гонцами между Москвой и Царьградом на протяжении XVI–XVII веков был довольно интенсивным» [9, с. 148], а с Персией, по материалам Л. М. Ку-

¹ См., например: Андропова Е. В. Русско-иранские торгово-экономические и дипломатические отношения в XVII – первой половине XVIII века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 292 с.
© Мальцева Т. В., 2023

лагиной, с конца XVI века Россия стала постоянно «обмениваться посольствами» [10, с. 7]. О стабильности и желательной долгосрочности этих связей свидетельствует тот факт, что в 1720 году в Коллегии иностранных дел Петром I была создана специальная «Ориентальная экспедиция»¹, так как политические, военные, торговые интересы России в Закавказье и на Ближнем Востоке подталкивали к постоянным контактам, регулярным посещениям интересующих Россию территорий посольскими служащими, купцами, военными еще со времен Петра I, мечтавшего найти торговый путь через Астрахань и Кавказ в Индию [21, с. 7]. Такие контакты имели письменную фиксацию в записках, путевых журналах, путевых дневниках. Этот пласт материалов, имеющих ценность как первоисточник сведений о юго-восточных приграничных странах, практически не изучен. Такие материалы представляют интерес и как документальные, и как литературные источники, поскольку являются частью такого текстового единства, как восточный текст русской литературы, «идентификационный потенциал» которого еще «не до конца оценен»². Следует отметить, что ближневосточные травелоги уже рассматривались исследователями, но материалом изучения являлись по большей части литературные и беллетристические «кавказские» травелоги³ [2; 6; 7; 14; 17 и др.]. В плане изучения документального путевого травелога следует отметить работу М. В. Строганова и Е. Г. Милутиной [15] и научного коллектива Новосибирского государственного педагогического университета по систематизации травелогов, в том числе и документальных [20].

В данной статье мы обратимся к документам русских посольств в Персию, которые рассматриваем как примеры документальной и документально-публицистической прозы восточного текста. Частично эти тексты рассматривались историками как исторические документы⁴ [5; 11; 24 и др.],

¹ Дипломатический словарь. Гл. ред. А. С. Вышинский, А. С. Лозновский. М., 1948 // Вспомогательный проект портала Хронос. Посольский приказ. Электронный ресурс. URL: <http://ponjatija.ru/node/13591> (дата обращения: 01.04.2023).

² Алексеев П. В. Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептосфера русского ориентализма: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2015. С. 3.

³ См., например, диссертационные исследования: Савченко Т. Д. Литература путешествий о Кавказе второй половины XX века: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2009. 200 с.; Степанова Е. А. Кавказская фабула в русской литературе XIX–XX веков: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004. 186 с.; Романенко С. М. Кавказский миф в русском романтизме и его эволюция в творчестве Я. П. Полонского: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 201 с.; Нурбагандова Л. А. Кавказская публицистика А. А. Бестужева-Марлинского: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2008. 202 с.

⁴ См., например: Миклухо-Маклай И. Д. «Записки» С. Аврамова об Иране как исторический источник // Ученые записки ЛГУ. 1952. Электронный ресурс. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XVIII/1720-1740/Avramov_S/fragment1.htm (дата обращения: 01.04.2023).

но до настоящего времени объектом литературоведческого интереса такие тексты не были. Считаем, что тексты посольского дискурса находятся на стыке документа и литературы, имеют сюжетное ядро, важной частью которого является топонимическая номинация как способ освоения чужого пространства. Топоним в них является не только языковым знаком для обозначения ландшафтного объекта, но и элементом поэтики, в описании которого проявляется авторское начало. Выбор способа фиксации топонимической номинации и ее сопровождения является прерогативой автора, демонстрируя его функциональную роль в служебном посольском тексте: авторы включают в текст личные комментарии и описания самого ландшафтного объекта. Цель исследования – выявить формы проявления авторского начала в сопровождении топонимических номинаций чужого ландшафта в восточных посольских путевых журналах.

Материалы и методы

Материалом исследования служат тексты участников русско-персидских дипломатических миссий, представляющих описание Востока в соответствии с профессиональными задачами авторов. Речь в статье пойдет о документах первого масштабного восточного посольства – российского императорского посольства в Персию 1816–1817 годов под руководством генерала А. П. Ермолова. Цель посольства – закрепление результатов войны 1806–1812 гг. между Персией и Россией. Завершилась война Гюлистанским мирным договором 1813 года, в котором Персия признавала переход к России большей части своих восточных провинций. Позже персидская сторона просила императора Александра I вернуть часть пограничных территорий. Для ответа было отправлено посольство во главе с Ермоловым с целью «не поддаваться ни в какой мере на домогательства двора Персидского о уступке земель» [23, с. 8] и установить точные территориальные границы договора.

В данной статье представлен анализ способов фиксации номинаций ландшафтных объектов чужого пространства в путевых документах, которые велись сотрудниками посольства. В статье будет использован следующий материал: «Дневные записки о путешествии русского императорского

посольства в Персии в 1816 и 1817 годах, веденные советником этого посольства А. Е. Соколовым» и «Краткое описание путешествия российско-императорского посольства в Персию в 1817 году», составленное советником канцелярии посольства Василием Петровичем Бороздной.

Методика анализа текстов посольского дискурса, к которым мы причисляем указанные тексты, предложена нами в статье «Образ Востока в посольском дискурсе (введение в тему)» [13]. В рамках этой методики важнейшим элементом посольского дискурса является «топонимическая номинация как способ картографирования чужого пространства» [13, с. 106]. Особенности материала вызывают необходимость обращения к средствам топонимического анализа. Такой инструментарий разработан в рамках этнолингвистики, при исследовании межкультурных связей и национальных языковых картин мира, так как топонимический лексикон целиком определяется особенностями материальных условий и истории развития соответствующего этноса. Также применены средства анализа топонимов-иранизмов, предложенные в исследовании Н. Абдалтаджедини [1]. Мы также согласны с мнением исследователя Е. Ф. Котлас, что топонимическая номинация окружающего мира «представляет собой один из системообразующих способов вербализации действительности, отражает корреляцию историко-социальных, языковых и этнокультурных аспектов развития народов»¹, поэтому, с нашей точки зрения, топоним обозначает не только географический фрагмент ландшафта, но включает его в систему связей национальной картины мира. Топоним рассматривается в статье как языковой знак для обозначения вида ландшафтного (природного или рукотворного) объекта и как элемент поэтики произведения, характеризующий текстовый топос/локус и определяющий роль автора.

Топонимическая номинация как способ освоения чужого пространства

Точных карт местности, по которой должен был проходить маршрут посольства А. П. Ермолова, еще не было, хотя в Воен-

¹ Ковлас Е. Ф. Особенности формирования топонимической картины мира: лексико-прагматический и этнокультурный аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2009. С. 5. Электронный ресурс. URL: <https://www.disscat.com/content/osobennosti-formirovaniya-toponimicheskoi-kartiny-mira-leksiko-pragmaticeskii-i-etnokulturn> (дата обращения: 14.04.2023).

ном ведомстве с 1796 года уже действовало Депо карт¹. Первая официальная «Столистовая» карта 1816 года включала северные территории России, западные территории до Польши, восточные до Тобольска и южные до Хивы². Не было и карт границ обретенных территорий. Первая карта прикаспийских земель была составлена А. И. Хатовым³ в 1819 году (напечатана в 1828 г.), поэтому необходимо было описание границы и самих новых территорий, так как, по свидетельству управляющего Иностранной коллегией К. В. Нессельроде, «все сведения о сей границе заключаются в одной только черте, означенной на весьма неверных картах через места, кои поименованы в статьях договора»⁴ [З, с. 117]. Таким образом, одной из задач посольской миссии Ермолова было тщательное изучение новых земель, в том числе документирование маршрута, приобретение «достоверных сведений о числе ханств, городов, селений, дорогах, особенно, ведущих в Индию, Бухару и Хиву»⁵. Впрочем, эта задача сопровождала Ермолова всю пору его наместничества на Кавказе (см. об этом: [24]).

Сам А. П. Ермолов в письме другу А. А. Закревскому 22 октября 1817 года уже по итогам посольства отмечал, какие трудности его поджидали: «С тобою как с другом я могу говорить откровенно: вообрази положение мое! Совсем не знаю дело, никогда не входит в голову военного человека приготовлять себя на подобное препоручение. Отправляюсь в такую землю, о которой ни малейшего понятия не имею; получаю инструкцию, против которой должен поступать с самого первого шагу, ибо она основана на том же самом незнании о земле» [22, с. 245]. Исправление «незнания о земле» представлялось актуальной задачей, и этому

¹ Глушков В. В. Становление и развитие военной картографии в России: XVIII – начало XX в.: дис. ...д-ра геогр. наук. М., 2003. 450 с. Электронный ресурс. URL: <https://www.dissercat.com/content/stanovlenie-i-razvitiye-voennoi-kartografi-v-rossii-xviii-nachalo-xx-v/read> (дата обращения: 14.05.2023).

² Подробная карта Российской империи и близлежащих заграничных владений. Сочинена, гравирована и печатана при Собственном Его Императорского Величества Депо карт. СПб., 1816. Электронный ресурс. URL: <https://geoportals.rgo.ru/catalog/topograficheskie-karty/podrobnaia-karta-rossiyskoy-imperii-i-blizlezhashchih-zagranichnykh> (дата обращения: 14.05.2023).

³ Хатов А. И. Генеральная карта земель, между Черным и Каспийским морями лежащих, с означением новой границы России с Персией. Датирована по обозначенной границе Российской империи с Персией по Туркманчайскому мирному договору 1828 г. СПб. Военно-топографическое депо, 1828. Электронный ресурс. URL: <https://elck.ru/ZP6N2> (дата обращения: 14.05.2023).

⁴ По Гюлистанскому договору России отходили следующие территории восточных провинций Персии: ханства Карабахское, Гянджинское, Ширванское, Шекинское, Дербентское, Кубинское, Бакинское, Талышское, часть Лянкаранского, Дагестан, Карли, Кахетия, Мегрелия, Имеретия, Гурия, Абхазия.

⁵ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавказа, 1866–1904. Т. 6. Ч. 2: [Кавказ и Закавказье за время управления генерал от инфантерии Алексея Петровича Ермолова, 1816–1827] / под ред. Ад. Берже, 1875. Электронный ресурс. URL: <http://elb.shpl.ru/ru/nodes/1761-t-6-ch-2-kavkaz-i-zakavkazie-za-vremya-upravleniya-general-ot-infanterii-alekseya-petrovicha-ermolova-1816-1827-1875#mode/inspect/page/57/zoom/5> (дата обращения: 03.05.2023).

должна была способствовать точная фиксация маршрута, в том числе и топонимических обозначений.

В маршруте посольства сразу же были заложены границы трех территорий: своей, условно своей (новообретенной) и чужой. И само посольство было разделено на три этапа: инспекция внутренних границ отошедших по договору территорий, маршрут до границы с Персией и маршрут по Персии до Султаннии (летней резиденции шаха. – Т. М.). Маркируют эти территории хоронимы¹ Тифлис (это пограничье между своей и новообретенной территорией) и крепость Талынь, за которой начиналась Персия. Хороним Тифлис маркирует границу между своей и условно своей территорией указанием на возможность военной угрозы с новообретенных земель. Как отмечал А. Е. Соколов, «из Грузии в Персию есть несколько путей, более или менее затруднительных, ибо все идут чрез горы и ущелья» [23, с. 9]. Выбор был возможен между «кратчайшей» и «удобнейшей» дорогой. Удобство заключалось не в физических преимуществах дороги, а в возможных «вспоможениях» воинских приграничных команд на случай набегов. Из Тифлиса перед выездом в Персию Ермолов и его служащие объехали внутренние границы перешедших по Гюлистанскому договору бывших персидских территорий: «Отдельного Грузинского корпуса обер-квартирмейстер полковник Иванов и гвардейского генерального штаба штабс-капитан Муравьев 2-й, первый в Талышинское ханство, а второй на дистанцию областей: Барчалинской, Бамбакской, Шуррагельской, Шамшиадильской и Казахской. Сам же 2-й генерал Ермолов отправился на главнейшие пункты границ в области Елисаветопольскую и Карабагскую» [23, с. 7].

Хороним Талынь маркирует условно свою и чужую территорию не только как разное по государственной принадлежности, но и ментально различное пространство: границей своего и чужого миров служит православный Эчьмиадзинский монастырь за крепостью Талынь, «всегдашнее место пребывания Армянского патриарха». Далее простирается мусульманский мир. Физической границей между своим и чужим пространством является речка Арпачай: здесь сходятся границы Грузии, Турции, Ериванской области и Персии.

¹ Хороним (от греч. *ὄρος* – межевой знак, граница) – топоним, являющийся названием пограничной местности.

«Дневные записки» и «Краткое описание путешествия» являются путевыми журналами и представляют собой динамический текст, фиксирующий перемещение в пространстве и времени. Маршрут служит основным приемом организации текста, способом развертывания сюжета путешествия. При этом ведение посольского путевого журнала – обязательная служебная процедура с фиксацией мест и времени стоянки посольской миссии.

Путешествия на Восток были длительные и опасные, поэтому в первую очередь отмечаются сами географические объекты, расстояния между ними и время перемещения из одного пункта в другой. Время движения исчисляется в местных единицах времени или пространства, но в исследуемых текстах авторы переводят их и в привычные национальные, например: «Персияне считают от Эч-Миадзина до города Эривани не более трех фарсангов (то есть трех часов езды; или 18 верст); в сей переход сделали два фарсанга [4, с. 37]; «От Тавриза до Тегерана считается более 80 агачей, или около 600 верст. От Тавриза же до Уджана агачей 7 или с небольшим 40 верст; а из Султани в Тегеран 24 агача, или около 150 верст, следовательно от Тавриза до Султаши предстояло еще верст с 450» (орфография оригинала. – Т. М.) [23, с. 14].

Фиксация топонимических номинаций является важной составляющей посольского травелога как способ описания чужого географического пространства. Точность и узнаваемость здесь очень важны, поэтому новая территория документируется в обильной топонимике осваиваемого пространства, как только недавно вошедшего в состав России, так и чужого. В текстах отмечаются все географические точки местности по ходу движения посольского обоза, привязанные к срокам пребывания в этих местах. Так, в исследуемых текстах обнаружено более 100 топонимов. Большинство из них представляют собой ландшафтные топонимы, например: «Главные пункты, чрез которые шла дорога от Коды, суть: переправа вброд чрез реку Храм или Кцию, Емир Айвазлы, ущелье у моста чрез речку Ахкерти, Ахзы Беюк, переправа чрез речку Джемал-Оглу или Каменную в долине Ларийской горы и ущелья Безабдальские до Караклиса, а из сей крепости до Гумри» [23, с. 11].

Сложный рельеф местности дает возможность включить в текст разные виды ландшафтных географических объектов, среди которых гидронимы: река Аджи-Чай, река Кизиль Узун, речка Джемал-Оглу, река Кция/Кция, речка Арпачай, Арагва, Зенган, речка Гяныр, речка Нахичевани-Чай, речка Гюзагат, речка Васмич, речка Джам-чай, речка Ям-чай, речка Зелулу; оронимы: гора Аз-Беюк/Агзы-Беюк/Ахзы Беюк, горы Кафланку, урочище Караван-Сарай-Халагу, Ларийская гора, ущелья Безабдальские, урочище Акзы-Беюк, гора Безабдал; ойконимы: Талынь, Девалу, Норошан/Норошена/Норашена, Маранд, Софиана, Саглан, Тавриз/Таврис, Астабад, Синджил-Абад/Синджил-Аббад/Синджил-Абат, Харзан, Аванлык, Варзаган, Туркманчай, Джамал-Абат, Миана, Енгидж, Зенган, Саман-Архи, Каравансарай, Кыблеи-Алем, Зенган, Тавриз (по-тамашинскому Тебриз), Джульфа, Маранд, Дюгюн/Дюгун, Сиодоун, Султанйэ/Султанья; а также кратонимы, часть из которых являются историческими названиями: Ирак (по-персидски Араз), Турция (Туреция, Порта, Порта Оттоманская, Оттоманская империя), Азербиджан/Азербейджан. (Способы ландшафтных описаний в восточной документальной прозе см. также в статье: [12, с. 7–29]).

Следует отметить, что авторы впервые фиксируют персоязычные названия топонимических объектов на русском языке, избирая определенную стратегию и формируя топонимическую норму и стандарт картографической топонимики в посольском тексте. Избранная стратегия способов топонимической номинации закрепится в большинстве текстов, а именно: тщательная побуквенная передача иноязычных названий в русской транскрипции, выбор транскрипции и формы записи иноязычного названия, возможное/желательное сопровождение топонима переводом на русский язык, передача вариантов персидских топонимов как фонетических, так и графических. Как совершенно новые слова топонимы часто выделяются авторами в тексте жирным шрифтом, курсивом или подчеркиванием. В топонимических номинациях пока нет четкости, но авторы к ней стремятся в желании добиться максимально правильной передачи структуры слова и фонем, непривычных русскому слуху. Отсюда варианты слитного и раздельного написания (например, слитное или

раздельное написание морфа 'чай' в составе гидронима; или написание морфа 'сарай' в составе ойконима).

Отметим, что топонимы не всегда точно передают звучание иноязычных географических объектов, авторы колеблются и дают несколько вариантов их записи, например: *Енгидже/Иенгидже, Саман-Арх/Саман-Архи/Саманархи, Эговерт/Эгварт, Норошан/Норошена, Аз-Беюк/Агзы-Беюк/Ахзы Беюк, Синджил-Абад/Синджил-Аббад/Синджил-Абат* и др. В текстах дается несколько вариантов названия для выбора более точного именованя места при последующем описании события или для картографирования, поскольку эта проблема не будет решена в течение всего XIX века¹. Так, археографическая комиссия при наместнике Кавказа при подготовке к печати документов, собранных комиссией, отмечала, что у разных авторов, писавших документы, встречается различное написание имен собственных, и «устранение подобных неточностей становилось иногда положительно невозможно <...> преимущественно в отношении географических имен, так как названия местностей, урочищ, гор и т. п., о которых упоминалось в документах, весьма часто не оказывалось ни на старых, ни на новейших картах» [3, с. 1]. Еще одним фактором, усложняющим процесс фиксации географических имен, является вариативная адаптация персоязычных географических наименований местным населением, проживающим на территориях, подвластных Персии, но говорящим на родных языках (см. об этом: [1, с. 164]). Так что документы посольства дали обильный материал для уточнения географических названий земель Восточного Кавказа и Персии.

Служебную задачу фиксации ландшафтных наименований дополняет авторская стратегия их описания, так как выбор способа сопровождения топонима является прерогативой автора, демонстрируя его функциональную роль даже в служебном тексте. В авторских комментариях к топонимам ак-

¹ Каждый издатель применял свои правила передачи топонимов в документальных текстах. Так, при перепечатке в «Русской старине» одного из первых русских путевых журналов – «Журнала путешествия по Германии, Голландии и Италии в 1697–1699 г., веденного советником при Великом посольстве русском к владетелям разных стран Европы» (напечатан малым тиражом в 1699 г. и стал библиографической редкостью) – составитель и автор комментариев к документу И. Ф. Горбунов отмечал: «При печатании <...> дневника <...> не обращалось вовсе внимания на названия местностей <...> страшно искаженные!» Издатель принял такую стратегию передачи географических названий: «...принято нами искаженное название сохранить, но в скобках подле проставить латинским шрифтом подлинное географическое имя местности. Через это читатель получает возможность следить за путешествием и приурочивать описания к своим местам, без изменения поправок рукописи, с которой может совсем стереться характер эпохи, если принятая изменять малопонятное, может быть, весьма своеобразное слово автора, более вразумительными, новыми» [19, с. 105].

тивно присутствует личностное начало. Так, топонимическая запись в документах посольства часто сопровождается переводами местных названий на русский язык, например: «На самой вершине горы по обоим сторонам дороги лежат два больших камня и представляют как бы пасть отверстую; почему называется гора сия Агзы-Беюк, что в переводе означает большая пасть. Русские же называют место сие Волчьими воротами» [4, с. 19–20]; «Озеро Кара-су (черная вода)» [4, с. 33]; «Гора Илан Даго (то есть змеиная)» [4, с. 52]; «Спуск ведет к реке Кизил-Озук, или Золотой Перстень» [4, с. 134]; «Мы остановились у Ах-Корни, или бабьего моста» [4; с. 13–14].

Иногда авторы дают комментарии к топонимам, указывая на природные особенности ландшафтных объектов: «Сия переправа, называемая Джелал-Оглу, достойна того, чтобы сказать о ней пространнее. Берега каменной речки представляют совершенную бездну: они состоят из скал и больших отдельных камней. Дорога вниз проведена излучинами; огромные камни, ужасными громадами тут лежащие, заставляют лошадь на каждом шагу спотыкаться. Мы ехали вдоль каменной речки, коей берега по мере возвышения земли, час от часу становились крутее, так что, стоя на самом берегу речки, мы не могли видеть воды, ибо речка узка, и противный берег закрывал от нас ужасную пропасть» (орфография оригинала. – Т. М.) [4, с. 17]; «Гора Безабдал усеяна роцями и ограничивается во многих местах большими оврагами, что представляет родные картины» [4, с. 32].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что авторы стремятся не только точно зафиксировать новое пространство в топонимическом лексиконе, но и принять его ментально, с особенностями и места, и нравов. Об этом свидетельствует, например, следующий фрагмент: «Мы пробыли в Эривани три дня. Сей город, как один из значимых в Персии, давал нам понятие и о других городах; он знакомил нас несколько с жителями, их обычаями и образом жизни и первый представил нам любопытную картину, которую обзрели мы сначала поверхностно, дабы в продолжение времени рассмотреть подробнее» (подчеркнуто здесь и далее в цитатах нами. – Т. М.) [4, с. 50]. Отметим явное любопытство автора и желание узнать больше об этом месте. Более

того, необычная природа чужого края принуждает авторов намеренно отойти от правил ведения служебного путевого журнала, насыщая его подробностями чужого ландшафта и быта, показать свое «лицо», включив в текст личные комментарии, что свидетельствует о беллетризации документального текста: *«Отступив от порядка журнала нашего, желал я удовлетворить сколько можно читателя на счет предметов, кои, так сказать, первые представляются путешественнику. Хотя по сущности своей они маловажны, но по новости довольно любопытны»* [4, с. 45].

Авторы описывают практически каждую точку чужого географического пространства: описания иногда лапидарны, иногда пространны, сопряжены с климатическими и ландшафтными характеристиками, которые строятся на противопоставлении «здесь» и «там» (у себя на родине). Парадоксально, но в этих описаниях постепенно исчезает дихотомия «свой»/«чужой», появляется иное отношение к чужому месту, даже чувство слиянности с ним: *«Я пошел в рощу; несколько фруктовых деревьев манили своей тенью, близтекущий ручеек разливал прохладу; прекрасная муравья, изобилующая клевером, наполняла воздух благоуханием; пение разных, не известных мне птиц и дыхание весны придавали природе еще более жизни. Какое-то необыкновенное чувство овладело мною; увидев камень, окруженный высокою травой, я сел и предался размышлению. Мысленный взор мой обратился на то ужасное расстояние, которое отделяло меня от родины; тысяча неизъяснимых ощущений наполнили душу; воображение переносило меня от знойного полдня на хладный север, оно останавливалось на каждом предмете, имевшем на меня влияние, занимавшем место в моем сердце* [4; с. 51–52]. Понятно, что автор грустит вдали от дома, но «необыкновенное чувство» навеяно местной природой, которая становится эстетическим эквивалентом родных просторов, выступающих в качестве эталона¹. Форма перволичного высказывания свидетельствует об открытой авторской позиции.

В исследуемых текстах описываются особенности рукотворного ландшафта, обусловленного условиями местно-

¹ Василий Петрович Бороздна принадлежал к роду черниговских дворян. Родился в д. Медведково Стародубского уезда Черниговской губернии – местности, отличающейся плодородием земель и богатой природой.

го домостроения: бассейны, открытые террасы, зеркальные и стеклянные украшения интерьеров, например: «Пространная долина, горами окруженная, на которой на некотором возвышении Аббас-мирза выстроил дворец изрядно отделанный, но еще не совсем законченный. Пред главною оною фасадою обширный террас и пред сим регулярный четырех-угольник во всю ширину терраса и с отводами в обе стороны, деревьями обсаженными (орфография оригинала. – Т. М.) [23, с. 26].

Таким образом, топонимическое освоение местности сопровождается достаточно подробными натурными описаниями как географических, так и рукотворных объектов, которые вызывают любопытство и удивление как не похожие на «свое». В неизбежный в посольском травелоге документализм точной фиксации включается эстетический код идеального ландшафта, сопоставляемого по шкале похожее/не похожее на пейзаж родины: через «свое» осознается «чужое».

Обсуждение и выводы

В статье рассмотрены тексты участников русско-персидских дипломатических миссий, представляющих специфическое описание Востока в соответствии с профессиональными задачами авторов, в частности, документы первого масштабного российского императорского посольства в Персию 1816–1817 годов под руководством генерала А. П. Ермолова. Материалом статьи являются служебные документы сотрудников посольства А. Е. Соколова («Дневные записки о путешествии русского императорского посольства в Персии в 1816 и 1817 годах, веденные советником этого посольства А. Е. Соколовым») и В. П. Бороздны («Краткое описание путешествия российско-императорского посольства в Персию в 1817 году»). Эти документы восточного посольского дискурса входят в тематическое единство восточного текста русской литературы. Как показал анализ, фиксация топонимических номинаций является важной составляющей посольского травелога как способ освоения чужого пространства. Она формирует топонимическую культуру и создает топонимическую норму. Топоним становится не просто языковым знаком для обозначения вида ландшафтного (природного или рукотворного) объекта, но и элементом поэтики произведения, ха-

рактизирующим текстовый топос/локус. Сопровождение топонима в тексте проявляет образ автора. Анализ номинаций ландшафтных объектов чужого пространства в путевых документах показал, что выбор способа фиксации топонимов и их сопровождения является прерогативой автора, демонстрируя его функциональную роль в служебном посольском тексте с помощью «я»-повествования и включения личных комментариев к названиям природных и рукотворных ландшафтных объектов. В результате иноязычные топонимы, созданные средствами языка-номинатора, входят в общенациональный русский топонимический лексикон, то есть осваиваются как единицы языка и единицы ментального пространства. Описания, сопровождающие топонимическую номинацию, сопряжены с климатическими и ландшафтными характеристиками, которые строятся на авторском противопоставлении «свой»/«чужой», «здесь»/«там» (у себя на родине). Необычная природа чужого края подталкивает авторов насытить путевой посольский журнал подробностями чужого ландшафта и быта, показать свое «лицо», включив в текст личные комментарии, свидетельствующие о беллетризации документального текста.

Список литературы

1. Абдалтаджедини Н. Топонимы-иранизмы в «Путевых заметках» и письмах А. С. Грибоедова: к норме картографической топонимики Кавказа XIX в. // Вестник СПбГУ. Сер. 9. – 2014. – Вып. 3. – С. 163–167.
2. Алексеев П. В. Русский ориентальный травелог как жанр путевой прозы конца XVIII – первой трети XIX века // Филология и человек. – 2014. – № 2. – С. 34–46.
3. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией /Археографическое главное управление Наместника Кавказского. – Тифлис: Типография гл. управления Наместника Кавказского, 1866–1904. – Т. 6., Ч. 2: [Кавказ и Закавказье за время управления генерала от инфантерии Алексея Петровича Ермолова. 1816–1827] / под ред. Ад. Берже, 1875. – [2], II, 950 с.
4. [Бороздна В.] Краткое описание путешествия российско-императорского посольства в Персию в 1817 году, Василия Бороздны. – СПб.: при императорской Академии наук, 1821. – 280 с.
5. Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1612 гг. (по русским архивам). – М.: Наука, 1976. – 280 с.
6. Виноградов Б. С. Кавказ в русской литературе 30-х годов XIX века (Очерки). – Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1966. – 286 с.
7. Гаджиев А. Кавказ в русской литературе первой половины XIX века. – Баку: Язычы, 1982. – 158 с.

8. Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1973. – 440 с.

9. Жуков К. А. Отношения России и Османский Турция в конце XV – начале XX вв. // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. – СПб.: Студия НП-Принт, 2011. – С. 117–136.

10. Кулагина Л. М. Россия и Иран (XIX – начало XX века) / Российская академия наук; Институт востоковедения. – М.: Ключ-С., 2010. – 271 с.

11. Курукин И. В. «Ориентальных дел секретарь» Семен Аврамов. Дипломат Петра I в Иране и на Кавказе // Ориенталистика. – 2023. – № 6 (1). – С. 87–96.

12. Мальцева Т. В. Изображение природы в русской документальной прозе второй половины XIX века // Природа в художественном слове. Идеи и стиль. Сборник научных статей / под ред. Гринфельд-Зингурс Т. Я. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкин, 2008. С. 7–29.

13. Мальцева Т. В. Образ Востока в посольском дискурсе (введение в тему) // Исследовательский журнал русского языка и литературы. – 2022. – Т. 10., Вып. 2. – С. 97–117.

14. Меднис Н. Е. Кавказ и Сибирь как два топоса русской литературы и культуры XIX века // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: коллективная монография / под ред. Т. И. Печерской, Н. В. Константиновой. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. – С. 20–37.

15. Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Русская культура в зеркале путешествий: монография. – Тверь, 2013. – 176 с.

16. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией / Веселовский Н. И. – Т. 1–3. – СПб., 1890–18098.

17. Пономарева А. А. Деромантизация Кавказа в «кавказских» травелогах XIX века // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: коллективная монография / под ред. Т. И. Печерской, Н. В. Константиновой. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. – С. 69–91.

18. Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время / Под редакцией Н. Н. Дьякова и Н. А. Самойлова. – СПб.: Студия НП-Принт, 2011. – 392 с.

19. Журнал путешествия по Германии, Голландии и Италии в 1697–1699 г., веденный советником при Великом посольстве русском к владетелям разных стран Европы / сост. и прим. И. Ф. Горбунова // Русская старина. – 1879. – Т. XXV. – С. 101–132.

20. Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: коллективная монография / под ред. Т. И. Печерской, Н. В. Константиновой. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. – 461 с.

21. Саймонов С. И. Описание Каспийского моря и чиненых на оных российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого. – СПб.: при Императорской Академии наук, 1763. – 380 с.

22. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. – СПб., 1867–1916. – Т. 73: Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского: Ч. 1. / Изд. под ред. Н. Ф. Дубровина. – 1890. – XVIII, XVI, 616 с.

23. Соколов А. Е. Дневные записки о путешествии русского императорского посольства в Персии в 1816 и 1817 годах, веденные советником этого посольства А. Е. Соколовым. – М.: Императорское общество истории и древностей российских, 1910. – 48 с.

24. Ткаченко Д. С. Организация изучения сопредельных Кавказу земель А. П. Ермоловым в 1816–1823 гг. // Вестник Армави́рского государственного технического университета. – 2020. – № 2. – С. 69–76.

Tatiana V. Maltseva

The Strategy of Toponymic Nomination of Foreign Space in the Eastern Embassy Discourse

The article presents an analysis of the nominations of landscape objects of alien space in travel documents Russian imperial embassy to Persia in 1816–1817 under the leadership of General A. P. Yermolov. The material of the article is official documents of the embassy staff: "Daytime notes on the journey of the Russian imperial embassy in Persia in 1816 and 1817, kept by the adviser of this embassy A. E. Sokolov" and "A brief description of the journey of the Russian-imperial embassy to Persia in 1817". These documents of the Eastern ambassadorial discourse are considered as part of such a thematic unity as the Eastern text of Russian literature. The entry of the author's embassy subtext into such a unity implies the study of these texts within the thematic context, literary and cultural tradition. The most important constant of the ambassadorial text is the toponymic nomination of a foreign space, which forms the toponymic culture. To describe it, the means of toponymic analysis were used. The toponym is considered in the article as a linguistic sign to indicate the type of landscape (natural or man-made) object and as an element of the poetics of the work, characterizing the text topos/locus.

Key words: documentary prose, oriental text, ambassadorial discourse, toponymy, topos.

For citation: Maltseva, T. V. (2023) Strategiya toponimicheskoy nominacii chuzhogo prostranstva v vostochnom posol'skom diskurse [The Strategy of Toponymic Nomination of Foreign Space in the Eastern Embassy Discourse]. *Art Logos. – Art of the Word*. No. 3. Pp. 79–95. DOI: 10.35231/25419803_2023_3_79. EDN: KPJBDE

References

1. Abdaltadzhedini, N. (2014) *Toponimy-iranizmy v «Putevyh zametkah» i pis'mah A. S. Griboedova: k norme kartograficheskoy toponimiki Kavkaza XIX v.* [Toponyms-Iranisms in the "Travel Notes" and letters of A. S. Griboedov: to the norm of the cartographic toponymy of the Caucasus in the XIX century]. *Vestnik SPbGU. Ser. 9 – Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 9. Issue 3*. Pp. 163–167 (In Russian).
2. Alekseev, P. V. (2014) *Russkij oriental'nyj travelog kak zhanr putevoj prozy konca XVIII – pervoj treti XIX veka* [Russian oriental travelogue as a genre of travel prose of the late 18th – first third of the 19th century]. *Filologiya i chelovek – Philology and Man*. No. 2. Pp. 34–46 (In Russian).
3. Berzhe, Ad. (1875) (ed.) *Akty, sobrannyye Kavkazskoy arheograficheskoy komissiej /Arheograficheskoe glavnoe upravlenie Namestnika Kavkazskogo* [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Tiflis: Tipografiya gl. upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1866–1904. Vol. 6. CH. 2: [Kavkaz i Zakavkaz'e za vremya upravleniya generala ot infanterii Alekseya Petrovicha Ermolova. 1816–1827]. (In Russian).
4. [Borozdna, V.] (1821) *Kratkoe opisanie puteshestviya rossijsko-imperatorskogo posol'stva v Persiyu v 1817 godu, Vasiliya Borozdny* [Brief description of the journey of the Russian-imperial embassy to Persia in 1817, Vasily Borozdna]. St. Petersburg: pri imperatorskoj Akademii nauk (In Russian).
5. Bushev, P. P. (1976) *Istoriya posol'stv i diplomaticheskikh otnoshenij Russkogo i Iranskogo gosudarstv v 1586–1612 gg. (po russkim arhivam)* [History of embassies and diplomatic relations of the Russian and Iranian states in 1586–1612. (according to Russian archives)]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).

6. Vinogradov, B. S. (1966) *Kavkaz v russoj literature 30-h godov XIX veka (Ocherki)* [The Caucasus in Russian literature of the 30s of the XIX century (Essays)]. Groznyj: CHecheno-Ingushskoe knizhnoe izd-vo (In Russian).

7. Gadzhiev, A. (1982) *Kavkaz v russoj literature pervoj poloviny XIX veka* [The Caucasus in Russian literature of the first half of the 19th century]. Baku: YAzychy Publ. (In Russian).

8. Dancig, B. M. (1973) *Bližnij Vostok v russoj nauke i literature* [Middle East in Russian science and literature]. Moscow: Nauka, Glavnaya redakciya vostočnoj literatury Publ. (In Russian).

9. Zhukov, K. A. (2011) *Otnosheniya Rossii i Osmanskij Turcii v konce XV – nachale XX vv. [Relations between Russia and Ottoman Turkey in the late XV – early XX centuries]. Rossiya i Vostok: fenomenologiya vzaimodejstviya i identifikacii v Novoe vremya* [Russia and the East: phenomenology of interaction and identification in modern times]. St. Petersburg: Studiya NP-Print Publ. Pp. 117–136 (In Russian).

10. Kulagina, L. M. (2010) *Rossiya i Iran (XIX – nachalo XX veka)* [Russia and Iran (XIX – early XX century)] Rossijskaya akademiya nauk; Institut vostokovedeniya. Moscow: Klyuch- S. Publ. (In Russian).

11. Kurukin, I. V. (2023) «Oriental'nyh del sekretar'» Semen Avramov. *Diplomat Petra I v Irane i na Kavkaze* [“Oriental Affairs Secretary” Semyon Avramov. Diplomat of Peter I in Iran and the Caucasus]. *Orientalistika – Orientalistics*. No. 6 (1). Pp. 87–96 (In Russian).

12. Maltseva, T. V. (2008) *Izobrazhenie prirody v russoj dokumental'noj proze vtoroj poloviny XIX veka* [Image of nature in Russian documentary prose of the second half of the 19th century]. *Priroda v hudozhestvennom slove. Idei i stil'. Sbornik nauchnyh statej pod red. Grinfel'd-Zingurs T. Ya.* [Nature in the artistic word. Ideas and style. Collection of scientific articles, ed. Grinfeld-Zingurs T. Ya.]. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University Publ. Pp. 7–29. (In Russian).

13. Maltseva, T. V. (2022) *Obraz Vostoka v posol'skom diskurse (vvedenie v temu)* [The image of the East in the embassy discourse (introduction to the topic)]. *Issledovatel'skij zhurnal russkogo yazyka i literature – Research Journal of the Russian Language and Literature*. Vol. 10. Issue 2. Pp. 97–117 (In Russian).

14. Mednis, N. E. (2016) *Kavkaz i Sibir' kak dva toposa russoj literatury i kul'tury XIX veka* [The Caucasus and Siberia as two topoi of Russian literature and culture of the 19th century]. *Russkij travelog XVIII–XX vekov: marshruty, toposy, zhanry i narrativy: kollektivnaya monografiya, pod red. T. I. Pecherskoj, N. V. Konstantinovoj* [Russian travelogue of the 18th–20th centuries: routes, topoi, genres and narratives: a collective monograph, ed. T. I. Pecherskaya, N. V. Konstantinova]. Novosibirsk: NGPU Publ. Pp. 20–37 (In Russian).

15. Milyugina, E. G., Stroganov, M. V. (2013) *Russkaya kul'tura v zerkale puteshestvij: monografiya* [Russian culture in the mirror of travel: monograph]. Tver': Tver State University Publ. (In Russian).

16. Veselovskij, N. I. (1890–1898) (ed.) *Pamyatniki diplomaticheskikh i torgovyh snoshenij Moskovskoj Rusi s Persiej* [Monuments of diplomatic and trade relations of Moscow Rus' with Persia] Vols. 1–3. St. Petersburg. (In Russian).

17. Ponomareva, A. A. (2016) *Deromantizaciya Kavkaza v «kavkazskih» travelogah XIX veka* [Deromanticization of the Caucasus in the “Caucasian” travelogues of the 19th century] *Russkij travelog XVIII–XX vekov: marshruty, toposy, zhanry i narrativy: kollektivnaya monografiya / pod red. T. I. Pecherskoj, N. V. Konstantinovoj* [Russian travelogue of the 18th–20th centuries: routes, topoi, genres and narratives: a collective monograph, ed. T. I. Pecherskaya, N. V. Konstantinova]. Novosibirsk: NGPU Publ. Pp. 69–91. (In Russian).

18. D'yakov, N. N., Samojlov, N. A. (2011) (eds.) *Rossiya i Vostok: fenomenologiya vzaimodejstviya i identifikacii v Novoe vremya* [Russia and the East: the phenomenology of interaction and identification in modern times]. St. Petersburg: Studiya NP-Print Publ. (In Russian).

19. Gorbunov, I. F. (1879) (ed.) *ZHurnal puteshestviya po Germanii, Gollandii i Italii v 1697–1699 g., vedennyj sovetnikom pri Velikom posol'stve russkom k vladetelyam raznyh stran Evropy* [Journal of travel in Germany, Holland and Italy in 1697–1699, run by an adviser at the Great Russian Embassy to the rulers of different European countries]. *Russkaya starina – Russian Antiquity*. Vol. XXV. Pp. 101–132. (In Russian).

20. Pecherskaja, T. I., Konstantinova, N. V. (2016) (eds.) *Russkij travelog XVIII–XX vekov: marshruty, topozy, zhanry i narrativy: kollektivnaya monografiya* [Russian travelogue of the 18th–20th centuries: routes, topoi, genres and narratives: collective monograph]. Novosibirsk: NGPU Publ. (In Russian).

21. Sajmonov, S. I. (1763) *Opisanie Kaspijskogo morya i chinenyh na onyh rossijskikh zavo-evanij, yako chast' istorii gosudarya imperatora Petra Velikogo* [Description of the Caspian Sea and the Russian conquests made for them, as part of the history of the Emperor Peter the Great]. St. Petersburg: pri Imperatorskoj Akademii nauk (In Russian).

22. Dubrovin, N. F. (1890) (ed.) *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. St. Petersburg, 1867–1916. Vol. 73: Bumagi grafa Arseniya Andreevicha Zakrevskogo: CH. 1. (In Russian).

23. Sokolov, A. E. (1910) *Dnevnye zapiski o puteshestvii russkogo imperatorskogo posol'stva v Persii v 1816 i 1817 godah, vedennyye sovetnikom etogo posol'stva A. E. Sokolovym* [Day notes about the journey of the Russian imperial embassy in Persia in 1816 and 1817, conducted by the adviser of this embassy A. E. Sokolov]. Moscow: Imperatorskoe obshchestvo istorii i drevnostej rossijskikh Publ. (In Russian).

24. Tkachenko, D. S. (2020) *Organizaciya izucheniya sopredel'nyh Kavkazu zemel' A. P. Ermolovym v 1816–1823 gg.* [Organization of the study of the lands adjacent to the Caucasus by A. P. Ermolov in 1816–1823]. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Armavir State Technical University*. No. 2. Pp. 69–76. (In Russian).

дата получения: 16.05.2023 г.
дата принятия: 15.06.2023 г.
дата публикации: 30.09.2023 г.

date of receiving: 16 May 2023
date of acceptance: 15 June 2023
date of publication: 30 September 2023